

Бугаенко Юлия Юрьевна

адъюнкт кафедры философии и социологии
Краснодарского университета МВД России

Базовые основания российской правовой культуры

Отечественные исследователи полагают, что важнейшим аспектом анализа базовых оснований правовой культуры в современной России является учет национальных архетипов, той культурной традиции, которая не создала предпосылок для восприятия вместе с христианством рациональных основ римского права и отделила православную культуру, основанную на моральном законе и вере в ценности запредельной, духовной жизни, от прагматичной и "материализованной" католической и протестантской культуры, где ценности личности, индивидуальных достижений, труда - и есть божественное служение на Земле¹. Не обсуждая вопроса о том, а создает ли такое отличие возможность принципиального восприятия правовых основ построения социальной системы, отметим хотя бы принципиальное отличие кризиса правосознания в России, связанного не только с изменением строя, роли государства, политических ценностей нации - но и с традицией низкой культуры правосознания, которая всегда была характерна для нашего общества.

Начать исследование социокультурных корней этого явления, вероятно, нужно с характеристики исторического пути развития отечественной культуры. Как подчеркивает А.С. Ахиезер, «большое общество, государство в России формировались тогда, когда в других странах они пережили значимые содержательные этапы своей истории»². Нельзя не согласиться с тем, что даже редкие контакты двух столь различных социальных миров неизбежно влияли на российское догосударственное общество. Посредниками такого влияния выступали люди, знакомые с опытом западных стран; оно осуществлялось также через попытки соседних государств включить силой в сферу своего влияния догосударственные сообщества. Однако в целом на территории России исторически сложилась культура почвенного догосударственного типа с соответствующими организационными формами. Этим фактором, по мнению Ахиезера, определяется в целом ход культурного развития России.

По мнению А.С. Ахиезера, специфика исторического опыта России определяется тем, что в стране сформировалось глубокое противоречие между попытками формирования государства как организации рационального типа и используемым для этого эклектичным культурным ос-

---

¹ Смоленский М.Б. Правовая культура: опыт социокультурного анализа. Ростов н/Д., 2002. С. 56.

² Ахиезер А.С. Специфика российского общества, культуры, ментальности как теоретическая и практическая проблема / Обновление России: трудный поиск решений. Годичные научные чтения РНИСиНП. Выпуск 9. // http://www.riisnpWframeO/library/readings9_OO.htm

нованием, включающим в себя значительные догосударственные элементы, которые в целом занимали доминирующее место.

Российская социокультурная матрица включает в себя прочную тягу к сохранению эмоциональной доминанты в культуре, почти полностью подчиняющей себе ее интеллектуальный элемент, а также интерпретацию нравственности как эмоциональной стихии сострадания. Наличие сильной эмоциональной доминанты и слабость интеллектуального начала в культуре предопределили, помимо всего прочего, формирование в России специфического типа правовой культуры. Его основной характеристикой является - и на это многократно указывали различные авторы - отчетливый приоритет морали и нравственности как социального регулятора по отношению к праву, что означает в конечном счете дефицит правосознания, подмену его деформированным моральным сознанием, этикоцентризм как принципиальную черту правового менталитета¹. Сфера морали, как правило, рассматривается как сфера регулирования традицией, обычаем, внутренним нравственным законом (совестью), и нередко противопоставляется праву как внешнему силовому регулированию, опосредованному государственной властью и общественным контролем. В такой трактовке право, защищающее минимальные и общезначимые социальные нормы, обладает меньшей ценностью, чем моральные отношения. Э.Ю. Соловьев пишет об этом так: "Высокие нравственные качества русского народа (его способность к состраданию, любви, прощению, терпению, самоотвержению) давно получили всемирное признание. Но было бы благодушием не видеть их неприглядной оборотной стороны, а именно давнего и острого дефицита правосознания, который в сфере самих моральных отношений выражал себя, прежде всего как отсутствие уважения к индивидуальной нравственной самостоятельности (автономии) и как упорное сопротивление идее примата справедливости над состраданием"². Он совершенно справедливо отмечает, что дефицит правосознания оказывал обратное разрушительное влияние на культуру, поскольку в периоды общественных кризисов "губил... самое нравственность". Вершина национального философского духа, русская моральная философия страдала в этом смысле дефицитом правопонимания, будучи, парадоксальным образом, при этом предельно этикоцентричной.

В результате высочайшие нравственные авторитеты русской культуры XVIII-XIX вв. своим творчеством транслировали и распространяли правовой инфантилизм, ибо даже в интерпретации такого выдающегося философа, как В.С.Соловьев ("Оправдание добра"), правовые нормы представляли как некие формализованные нравственные нормы, причем запретительного характера. Примерно так истолковывали право в за-

---

¹ Смоленский М.Б. Правовой менталитет – фактор формирования правовой культуры как основы гражданского общества // Известия вузов. Северокавказский регион. Общественные науки. Приложение. 2002. № 1. С. 73.

² Соловьев Э.Ю. Прошлое толкует нас. М., 1991. С. 230.

падноевропейских протестантских трактатах XVI-XVII вв. Поэтому в целом нельзя не согласиться с выводом о том, что "философия права в точном смысле этого слова в нашем культурном наследии попросту отсутствует. Именно там, где русская философия, выражаясь словами Гегеля, "утверждается в собственной стихии" (стихии морально-практического суждения), феномен права стушевывается и превращается в периферийную и прикладную этическую тему"¹.

С другой стороны, иррационально-эмотивный характер российского правопонимания², возможно, еще не означает, что последнее чуждо рациональности. Новым, и пока дискуссионным выводом, который имеет теоретико-методологическое значение для анализа правосознания и правовой культуры современного российского общества, является признание "вариативной" рациональности самого права. Рожденное под влиянием постмодернистской методологической культуры, это положение апеллирует к национальной истории, социальному опыту, то есть к своеобразной неформальной логике формирования права, чутко воспринимаящей национальную традицию и национальную интуицию. "Живой организм, и право особенно, оказываются подвластными всей своей истории, которая при ближайшем рассмотрении постоянно обнаруживает неизведанные пласты, уводящие все дальше от простой причинности. Уже хотя бы поэтому мы должны задуматься о содержании той рациональности, в ореоле которой предстает нам право, тем более что само это понятие достаточно изменчиво и синтетично, т.е. несводимо к одному компоненту"³.

Казалось бы, какое конкретное отношение эта философско-культурологическая проблема имеет к анализу реального правового поведения и правовой культуры в сегодняшнем российском обществе? Не удаляемся ли мы в заоблачные выси? Отнюдь нет. И дело не только в том, что дефицит правосознания - такая же актуальная проблема России конца XX века, как и конца века XIX. Философия права и ее традиции оказывают существенное влияние и на процесс правового строительства, и на правоприменительную деятельность, и на правовое или же противоправное поведение.

Еще одной специфической чертой российской правокультурной традиции можно считать обусловленный догосударственным, общинным характером культуры коллективизм, тесно связанный с уже упоминавшимся нами этикоцентризмом. Для русского национального этоса в силу религиозной традиции было свойственно и даже вошло в архетипические пласты сознания коллективное, соборное бытие человека, не отделявшего свою личность, индивидуальность, от сообщества. В России

---

¹ Там же. М., 1991. С. 231.

² Архипова Н.Ю. Социально-архетипические факторы правового поведения. Ростов н/Д, 2003. С. 90.

³ Сковский К.И. Право и рациональность // Общественные науки и современность. 1998. №2. С. 62.

складывались особые отношения собственности и, соответственно, особое определение собственником "себя" как субъекта, которому нечто принадлежит. "Право, правовая культура экономически связаны с индивидуальной собственностью упоминавшимся нами этикоцентризмом. Для русского национального этоса в силу религиозной традиции было свойственно и даже вошло в архетипические пласты сознания коллективное, соборное бытие человека, не отделявшего свою личность, индивидуальность, от сообщества. В России складывались особые отношения собственности и, соответственно, особое определение собственником "себя" как субъекта, которому нечто принадлежит. "Право, правовая культура экономически связаны с индивидуальной собственностью, а идеологически, точнее духовно, - с осознанием человеком своей индивидуальности, самостоятельности, собственной сущности"¹. Эта "самость", основанная на собственности, которая относительно эмансипирует индивида от власти государства, не была выработана в русском крестьянине, отсюда и пошла массовая культура, которая поддерживала соответствующие "инфантильные" нормы и эталоны социального поведения зависимых от государства субъектов. По такой канве продолжала развиваться традиция социальной адаптации и включения представителей все новых российских поколений в социальную сферу. Не следует забывать, что на уровне общественной ментальности западное общество предельно дискретно, оно представляет собой такой вид социального контекста деятельности индивида, который позволяет и помогает ему сохранять и отстаивать тождество своей личности, лежащее в основе социальной ответственности и сознания своих прав. Напомним, что социальный контекст может и поглощать личность в той или иной степени, помещая ее в ценностной иерархии общества ниже какой-либо коллективной сверхценности, с которой личность должна идентифицироваться до самопожертвования, забывая о себе как о цели. Таким образом, речь здесь идет об известном противостоянии индивидуализма и коллективизма в сфере ценностей. Анализируя индивидуалистическую и коллективистскую аксиологические системы в их отношении к праву, французский исследователь Ж.-Л. Бержель пишет: "Индивидуализм основан на философской доктрине, утверждающей реальность индивидов как таковых в ущерб родовой и видовой детерминированности; индивидуализм находит свое выражение в теориях, которые усматривают в индивиде общую ценность политического, экономического и морального плана, и вводит идею развития прав и обязанностей индивида. Коллективизм, напротив, связан с доктриной и такой системой управления обществом, которые основываются на идее коллективной собственности на средства производства и обмена и на власти государства... В данном случае речь идет, прежде всего, о политическом анализе. Однако все

---

¹ Семитко А.П. Русская правовая культура: мифологические и социально-экономические истоки и предпосылки // Государство и право. 1992. № 10. С. 110.

это проецируется непосредственно на мировоззрение"¹ и прочную правовую установку, то исторический путь России был другим: православная религия, в отличие от католицизма, ориентировала на приоритет обычного права, а не на развитие рационального начала в праве.

На наличие глубокого различия между европейско-католическим и российско-православным отношением к праву указывает, в частности, С.С. Аверинцев. По его мнению, католическая духовность органично впитала в себя дух римской правовой культуры вместе с его базисной составляющей - договорной традицией регламентации правоотношений. Договорное начало проникло и в средоточие сакральных ценностей католицизма. По мнению С.С. Аверинцева, католический идеал святости как модель индивидуального и социального поведения включал в себя бережное отношение к автономности личности кающегося грешника: "Индивиды - "падшие", грешные, и потому их надо защитить друг от друга; вокруг каждого должна быть зона дистанции, создаваемая вежливостью, а их отношения регулируются договором. Когда читаешь католические книги по моральной теологии, поражаешься, как подробно там оговариваются границы права ближнего на свои личные секреты, не подлежащие разглашению под страхом греха, и тому подобные загородки вокруг территории индивидуального бытия, - и насколько часто там употребляется одно важнейшее привычное для нас отнюдь не в сакральных контекстах слово: "договор", по латыни "контракт"².

Само понятие "общественного договора", неразрывно связанное с историческим генезисом идеи гражданского общества, восходит в своих истоках к трактатам иезуитов, оспаривавшим божественное право королей.

Таким образом, католицизм явился носителем юридического духа, духа контрактной морали, за что подвергался критике со стороны русских православных мыслителей, которым - например, Достоевскому - не нравился присущий западной религиозной и правовой ментальности отенок индивидуалистической скарденности, холодного формализма, противоречащий православному идеалу безграничной любви, не знающей меры. Юридический дух католицизма - это то, что роднит его с античной философской традицией, с аристотелизмом, идеи которого впитала европейская схоластическая мысль.

В отличие от католического типа святости, предусматривающего освящение и незыблемое соблюдение договора, отечественная православная традиция сформировала иной идеал, ориентирующий на превышение любой рационально выверенной меры, на принципиальную и страстную безмерность служения личности высшему началу. Русские "страстотерпцы" характеризуются безответностью: "От них требуется

---

¹ Бачинин В.А. Антропосоциология анормативного поведения // Общественные науки и современность. 2001. №3. С. 51.

² Аверинцев С.С. Византия и Русь: Два типа духовности // Новый мир. 1988. № 7,8. С. 229-230.

особого рода безответность, даже беспомощность... Эта кротость "тише воды, ниже травы" выработала генетический код терпения — терпения ко злу, прежде всего ко злу, исходящему от власти, от "начальников"¹. Православный идеал святости включает в себя отчуждение от власти как от несправедливой при отсутствии протеста против ее несправедливости. Забота о личных правах представляется проявлением мелочности и прагматизма на фоне этого безмерного терпения. Особое, как бы "превышающее само право" правопонимание, вытекающее из этого подхода, апеллирует к личному выбору индивида, его моральному и религиозному сознанию, непосредственному ощущению справедливости и нравственности. Но это означает, по сути дела, слабость чувства права в собственном смысле, "излишество" права как социального регулятора.

Россия, включая ее непосредственных государственных предшественников, принадлежит к разряду стран, правовая система которых несколько раз менялась в результате тотальной рецепции. Это было не стихийное копирование чужих образцов правовой жизни, а их сознательное и планомерное заимствование, выступающее как модернизация реципиента, приближение его к этому самому "образцу", превращение из созерцателя становления последнего в его активного творца. Таким образом, рецепция чужого права для России выступала и выступает в качестве одного из основных способов модернизации общественного, в том числе правового, строя².

Однако подобные трансформации, накладываясь на особенности отечественного национально-правового уклада, образовывали в конечном счете причудливые и далекие от западных формы правовой жизни. На социетальном и личностном уровне это означало формирование национального типа правовой культуры и соответствующей установки по отношению к праву, которая характеризовалась и сейчас еще характеризуется известным синкретизмом права и нравственности, неспособностью к проведению между двумя этими социальными регуляторами продуктивной дистинкции, что в кризисных ситуациях легко приводит к противопоставлению нравственности и права и сознательному пренебрежению правом во имя следования нормам нравственности.

Рассуждения о соотношении категории права и нравственности заставляют нас обратиться к анализу такого понятия как нравственно-правовая культура, неотъемлемого атрибута и отличительного признака современного правового государства³.

С философской точки зрения нравственно-правовая культура возникает в процессе социально-правовой деятельности индивида, представляет собой специфическую форму общественного сознания и несет в себе определенные мировоззренческие элементы, отражающие не

---

¹ Ковлер А.И. Антропология права: Учебник для вузов. М., 2002. С. 333.

² Архипова Н.Ю. Указ. соч. С. 62.

³ Мусинов П.А., Мусинов Е.П. Нормы права и нравственности как структурные компоненты нравственно-правовой культуры // Власть. 2006. № 2. С. 43.

только социально значимую ценность правовых норм, но и их нравственную сущность¹. Анализ нормативно-правовых норм как конкретных составных компонентов нравственно-правовой культуры позволяет рассматривать их, прежде всего, с позиции нравственной оценки.

Нравственно-правовая культура как вид идейно-нравственного состояния правового государства и гражданского общества привлекали особое внимание ученых в различных научных областях².

Несмотря на неоднозначные подходы к пониманию нравственно-правовой культуры, практически все исследователи сходятся во мнении, что важными структурными элементами ее являются нормы права и нравственности, которым в условиях становления правовой государственности принадлежит все более активная социально-регулирующая роль.

Не менее важное значение проблема соотношения права и нравственности имела в российской философии права начала XX века³. Так, по мнению Б.Н. Чичерина, «и право, и нравственность указывают на высшую связь лиц в обществе. Из самого этого взаимодействия вытекают совокупные понятия и чувства, интересы и цели, которые ведут к установлению общего порядка»⁴.

На позиции тесной взаимосвязи между правом и нравственностью стоял и П.И. Новгородцев, который рассматривал право с точки зрения применения к нему нравственной оценки. Ученый отмечал, что право с момента своего возникновения является не только внешним механическим устройством общества, но и нравственным ограничением общественных сил, поскольку в нем заключается совместное подчинение их высшему решению и принятие на себя известных обязанностей. Эффективность действия права обуславливается тем, насколько оно проникает в сознание индивидов и встречает в них нравственное сочувствие и поддержку. Без этой поддержки право превращается в мертвую букву, лишенную жизненного значения, или в тяжелое бремя, сносимое против воли. С другой стороны, из этой естественной связи права с нравственностью вытекает их постоянное взаимодействие, одним из проявлений которого служит нравственная критика правовых норм⁵.

---

¹ Критерии разумности закона // Российская Федерация. М., 1995. С. 8-9.

² Иванов Н.Г. Нравственность, безнравственность, преступность // Государство и право. 1994. № 11. С. 26.; Комаровский В. В. Переходное сознание переходного периода // Общественные науки и современность. 1994. № 2. С. 42.; Коган Л.Н. Проблемы исследования целостности культуры // Общие проблемы культуры и культурного строительства. М., 1982. Вып. 2. С. 108.; Сальников В.П. Опасность нравственно-правовых срывов в период общественной нестабильности // Лики морали. СПб., 1996. и др.

³ Нежданов П. Нравственность. М., 1998. С. 5-20; Новгородцев П.И. Право и нравственность // Сборник по общим юридическим наукам. М., 1896; Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 1909. Т.1. С. 237.

⁴ Чичерин Б.Н. Философия права. М., 1900. С. 34.

⁵ Новгородцев П.И. Историческая школа юристов, ее происхождение и судьба. М., 1886. С. 7-8.

Действительно, обратившись к трудам отечественных классиков философско-правовой мысли, мы обнаруживаем в их концепциях тенденцию к прямому отождествлению или, по крайней мере, к тесному сближению до полного нивелирования различий правовых и нравственных регуляторов поведения личности. И.А Ильин, например, обосновывает непосредственно-интуитивный, даже инстинктивный характер феномена правосознания, практически сливая последнее с нравственностью и религиозной духовностью: "Правосознание есть особого рода инстинктивное правочувствие, в котором человек утверждает свою собственную духовность и признает духовность других людей"¹. С.А. Муромцев подчеркивает возможность более высокого состояния общества, чем правовое: "Может произойти, что прежде юридическая защита была нужна для существования отношения, а потом стала ненужною. В таком случае отношение, бывшее прежде правовым, потом потеряло это качество. Форма правового существования есть постоянная принадлежность отношения: она - только одна из форм его последовательного развития. Было бы нелепо настаивать на правовом состоянии отношения, когда оно успело уже достигнуть состояния более высшего"². С одной стороны, такое понимание несет на себе отпечаток высокой православной духовности, поскольку православная традиция всегда ставила дух выше буквы, деятельную сострадательность - выше самого изощренного формального рассудка. С другой же стороны оно незаметно подтачивает саму сущность права, отводя ему роль второстепенного, малоценного регулятора. Особенно ярко изъян такого правопонимания проявляется, конечно же, в вопросе о правах личности, который служит здесь индикатором. "Учение о неотчуждаемых и ненарушимых правах человека, - пишет Б.Н. Чичерин, - которые государство должно только охранять, но которых оно не смеет касаться, есть учение анархическое"³. Нет нужды объяснять, что такая позиция в корне противоречит традиции правопонимания и правоприменения, сложившейся на Западе и адекватной гражданскому обществу. Ведь суть последней, как указывают исследователи, "сводится к акцентуации различий между моралью и правом, к пониманию того, что право - это рациональный инструмент, в конечном счете защищающий нравственные ценности общества именно благодаря тому, что оно представляет собой неподверженную непосредственному влиянию морали формализованную систему"⁴. Отсюда следует, что формирование гражданского общества, соответствующих ему аксиологической системы, правосознания и правовой культуры невозможно без

---

¹ Ильин ИЛ. О сущности правосознания // Ильин И.А. Соч.Т. 1. М., 1993. С. 143.

²Муромцев С А. Определение и основное разделение права. Цит. по: История русской

правовой мысли. Биографии, документы, публикации. М., 1998. С. 200-201.

³ Чичерин Б.Н. Собственность и государство. Часть вторая. М., 1883. С. 301.

⁴ Касьянов В.В., Нечипуренко В.Н. Социология права. Ростов н/Д: Феникс, 2001. С. 307.

осуществления переориентации общественного и индивидуального сознания на признание приоритета права, без выработки адекватной правовой установки, которая должна стать основой мотивации правомерного поведения и активного положительного отношения к праву.

Современные отечественные исследователи отмечают при анализе взаимосвязи права и морали выделяют как их общие черты, так и признаки, отличающие их друг от друга.

Общность права и нравственности основывается на целом ряде факторов, среди которых можно выделить следующие: и право, и нравственность являются разновидностями социальных норм, образующих в совокупности целостную систему межличностных и общественных отношений, выступающую в качестве методологической основы нравственно-правовой культуры; и право, и нравственность имеют своей целью упорядочение и организацию общественных отношений, закрепление принципов человеколюбия, справедливости и гуманизма; являясь регуляторами общественных отношений и человеческой деятельности, право и нравственность основываются на свободе воли личности, на предоставлении индивиду возможности выбора соответствующей его мировоззрению нормы поведения; право и нравственность выступают в качестве исторически фундаментальных общечеловеческих ценностей и служат в качестве своеобразных оценочных категорий в отношении отдельной личности и общества в целом¹.

Признаки, отличающие право и нравственность²: для правовых норм характерна текстовая закреплённость, им свойственна четкая системность и структурность. Нравственные же нормы, в большинстве своем, не имеют текстового закрепления, а содержатся в сознании людей, их памяти; право и нравственность различны и по своему происхождению, способам формирования и установления. Нормы нравственности складываются на основе представлений людей о добре и зле, чести, совести и справедливости. Возникая в процессе их практической деятельности и общения, они приобретают общеобязательное значение³; право и нравственность различаются также по способам обеспечения. Нормы нравственности, как и нормы права, соблюдаются людьми добровольно, их соблюдение обеспечивается осознанием справедливости их предписаний, а реализация - авторитетом общественного мнения. Правовые же нормы обеспечиваются, кроме того, и мерами государственного принуждения, нарушение правовых норм влечет применение государством четко определенных санкций, тогда как санкциями за нарушение нравственных норм являются меры общественного воздействия, осуждения⁴;

---

¹ Мусинов П.А., Мусинов Е.П. Указ. соч. С. 47.

² Гусев А. А. Противоречивость соотношения права и нравственности как источник социальной напряженности // Человек в социальных переменах. СПб., 1996. С. 246-257.

³ Якобсон Я.Г. Моральные кодексы как своды основных добродетелей // Лики морали. СПб., 1996. С. 135-139.

⁴ Матузов Н.И. Право в системе социальных норм. Н. Новгород, 1993. С. 194-195.

право и нравственность различны по характеру и способам их воздействия на сознание и поведение индивидов. Нормы нравственности выступают в качестве наиболее обобщенных правил поведения людей, оценивают их действия с позиции добра и зла, справедливости и несправедливости, чести и бесчестия, тогда как правовые нормы представляют собой более детализированные правила и регулируют взаимоотношения между людьми с точки зрения их юридических прав и обязанностей, оперируя такими оценочными категориями, как правомерность - неправомерность, законность - незаконность и т. д.

Однако приходится признать, что в настоящее время, хотя значительная часть населения России оказалась в состоянии воспринять систему ценностей гражданского общества, большинство россиян все же продолжает придерживаться привычных аморфно-синкретических представлений о соотношении нравственности и формального права в регуляции поведения личности в обществе. Как показывают данные опросов¹, большой процент отвечавших предпочитают поступать не по закону, а "по совести", и в случае противоречия между требованиями нравственности и закона отдадут приоритет "совести". Нетрудно понять, что здесь мы имеем дело с прочной и устоявшейся мотивационной установкой, которая, несмотря на внешнюю декларируемую духовность, по своей сути противостоит правовой, поскольку основывается на неправомерной абсолютизации неотрефлексированных эмоциональных движений, отождествляемых опрошенными с "голосом совести" и рассматриваемых ими как достаточное основание для невыполнения требований формального права, для нарушения закона.

Таким образом, подобная установка базируется на идее эмоционального переживания блага и справедливости как своего рода "сверхправа", внося в сферу поведенческой мотивации на уровне личности и социума представление о возможности нарушать закон и ущемлять права людей, если это в данный момент, в данных обстоятельствах представилось субъекту поступка справедливым или нравственным. Нет нужды говорить о том, что на уровне конкретных правоотношений, в конкретных жизненных ситуациях подобная противоправная, по сути, установка, квалифицируемая исследователями как правовой нигилизм, является социально опасной. Избегая негативных санкций со стороны правоохранительных органов, индивид приучается бояться и отрицательно, со страхом наказания, воспринимать государство, как субъект и носитель права. Он стремится "обойти" закон как карательную силу - и подчиняясь ему, и избегая наказания. Таким образом, внутренняя нравственность права как государственного дозволения реализовывать "естественные права" человека и "общественного договора" между государством и его подданными о гарантиях определенных отношений, необходимых прав и свобод, в таких отношениях практически выхолащивается.

---

¹ Шереги Ф.Э. Социология права: прикладные исследования. СПб., 2002. С. 68-73.

вается. Моралистический подход к праву, возведенный в абсолют, становится источником деморализации правоотношений¹.

Правовое поведение и правовая культура индивидов, как отмечалось выше, образуют единый социально-правовой контекст, в основе которого лежат три базисных момента: государство с его политикой по отношению к индивиду, общество с его внутренней структурой, определяющее качество такого отношения; и, наконец, сам индивид как субъект правового поведения и носитель культуры. Рассмотренные нами выше варианты понимания права и правовой культуры представляют собой специфические формы взаимодействия индивида и государства.

Итак, можно сделать вывод, что российская социокультурная матрица включает в себя прочную тягу к сохранению эмоциональной доминанты в культуре, почти полностью подчиняющей себе ее интеллектуальный элемент, и интерпретацию нравственности как эмоциональной стихии сострадания. Наличие сильной эмоциональной доминанты и слабость интеллектуального начала в культуре предопределили формирование в России специфического типа правовой культуры. Его основной характеристикой является—и на это многократно указывали различные авторы—приоритет морали и нравственности как социального регулятора по отношению к праву, что означает, в конечном счете, дефицит правосознания, подмену его деформированным моральным сознанием, этикоцентризм как принципиальную черту правового менталитета. Сфера морали, как правило, рассматривается как сфера регулирования традицией, обычаем, внутренним нравственным законом (совестью) и нередко противопоставляется праву как внешнему силовому регулированию, опосредованному государственной властью и общественным контролем. В такой трактовке право, защищающее минимальные и общезначимые социальные нормы, обладает меньшей ценностью, чем моральные отношения².

Перейти на социетальный уровень исследования особенностей российской правовой культуры помогает более детальное обращение к понятию правового менталитета.

В современных исследованиях по социальной и исторической психологии под ментальностью понимается совокупность осознанных и неосознанных психологических установок и предрасположенностей индивида действовать, мыслить, чувствовать, воспринимать и постигать мир определенным образом³.

---

¹ Мордовцев А.Ю. Реальность юридического мира в пространстве национальной культуры: вопросы теории и методологии // Философия права. 2003. № 2. С. 66.

² Смоленский М.Б. Правовая культура: Опыт социокультурного анализа. Ростов-на-Дону, 2002. С. 61.

³ Дрепа Г.Н., Дмитриев АН., Дмитриева Э.Я. Ментальность и менталитет российского общества: к анализу механизмов рефлексивного взаимодействия // Российское сознание: психология, культура, политика: Материалы Международной конференции по исторической психологии российского сознания. Самара: Изд-во С ГПУ, 1997. С. 92. 93-100.

Правовой менталитет трактуется как совокупность правовых архетипов и представлений, устойчивых, общераспространенных образцов и стилей юридического мышления, которые в разных социумах, этносах, социальных группах имеют собственное содержание, различным образом сочетаются, но всегда лежат в основе восприятия субъектом, принадлежащим к ним, национальной правовой системы, сущности и значения собственных интересов, прав и свобод, определяют особое видение юридической реальности, специфику правового поведения индивида, социальных групп¹.

Правовой менталитет является средством объяснения самобытности правовой действительности, т.е. требует учитывать не только внутренний мир субъекта, но и то, каким образом исторически сложившийся национальный политико-правовой опыт влияет на поведение индивида, социальной или этнической группы. В свою очередь, национальный политико-правовой опыт включает: типичные правоотношения (земельные, семейные, наследственные и др.); способы урегулирования конфликтов и процедуры по их разрешению; привычную систему возмездия, которая зависит от сложившихся и транслируемых от поколения к поколению представлений о наказании, мести, справедливости, морали и т.п.; отношение к судебным и иным правоохранительным органам, оценка их деятельности².

Таким образом, правовой менталитет представляет собой совокупность правовых архетипов и представлений, которые в разных социумах (этносах) имеют собственное содержание. Правовой менталитет определяет специфику правового поведения личности, социальной или этнической группы, осознанные и неосознанные установки индивида действовать, мыслить, воспринимать различные явления, оценивать их. Индикатором развития правового менталитета являются правовые символы, правовые установки и ценности, юридические ритуалы и традиции (судебные церемонии, традиционные способы правового воспитания молодого поколения).

Колоссальное значение для осмысления сущности национального правового менталитета как сложного феномена, взаимодействующего с социальными, психологическими и нравственными категориями, имеют правовые теории, сформировавшиеся в России на рубеже XIX - XX столетий³. Широкое понимание правосознания (как отмечено в концепции И.А. Ильина), рассмотрение различных социокультурных, национальных, исторических и субъективных факторов, несомненно, способствует созданию доктрины отечественной

---

¹ Мордовцев А.Ю. Национальный правовой менталитет. Введение в проблему. Ростов-на-Дону, 2002. С. 60.

² Магарил С.А. Социокультурный архетип и модернизация России // Социально-гуманитарные знания. №6, 2004. С. 33.

³ Овчинников А.И. Эпистемология правового мышления // Философия права. 2003. № 2. С. 48.

правовой ментальности. «Наши внутренние психические акты, например, гнев, радость, желания бывают причиной возникновения правовых отношений. (...) Чувства и сознание нашей связанности по отношению к другим мы выражаем словом право», - отмечают представители психологической школы, рассматривая право в его субъективном измерении¹. При этом роль государства в возникновении такого рода правовых отношений, по их мнению, не является определяющей, т.к. на первый план выдвигается собственное государственно-правовое видение (чувствование), совокупность юридически значимых «предрасположенностей» социальной группы или индивида действовать определенным образом. Признание такого права со стороны государства не имеет большого значения, ибо оно возникает в глубине человеческого сознания, прежде всего, как «интуитивное право», построенное на уникальном этно-ментальном фундаменте.

Данная теоретико-методологическая позиция находит свое обоснование и в творчестве русского юриста Б. Кистяковского, который (наряду с Ю. Гамбаровым, Р. Штамлером, С. Муромцевым и др.) обращает внимание на социальный аспект права. Развивая социологическую теорию права, Б. Кистяковский приходит к выводу, что до тех пор ученые не приблизятся к пониманию социальной природы права, пока будут его рассматривать как совокупность норм или правил, действующих в обществе. Право значительно более сложное явление, чем совокупность норм. «Сущность правовых норм не в их внутренней ценности, что по преимуществу можно утверждать о нормах этических и эстетических. Право состоит из норм, постоянно и регулярно осуществляющихся в жизни, и поэтому осуществление есть основной признак права»².

Исследователи проблем ментальности и менталитета среди характерных черт российского менталитета называют и харизматическое отношение к власти и государству, и правовой нигилизм, проявляющийся в слабом знании своих прав и возможностей и отрицании любых нравственно-правовых регуляторов жизнедеятельности. Во многом такая специфика правового менталитета россиян объясняется особенностями исторического развития российского общества. Если западное общество имеет давнюю традицию существования институциональных структур, основанных на действии формального права, что создало и закрепило у масс населения «юридическое мировоззрение» и прочную правовую установку, то исторический путь России был другим: православная религия, в отличие от католицизма, ориентировала на приоритет обычного права, а не на развитие рационального начала в праве³.

Однако в правовом менталитете россиянина праведный, т.е. основанный на правде, суд, поступки в соответствии с «голосом совести» и

---

¹ Ильин И.А. Очерки философии права. СПб., 1990 С. 9, 15.

² Кистяковский Б. Право как социальное явление // Вопросы права. 1911. Кн. 8. С. 6-9.

³ Смоленский М.Б. Правовая культура: опыт социокультурного анализа. Ростов н/Д., 2002. С. 67.

справедливость как таковая вовсе не тождественны следованию формальным правилам, составляющим позитивное право, соблюдению законов, уважению к истине. Культ правды, справедливости и совести призван компенсировать равнодушие к правилам и законам, обесцененным социальной практикой, конституируя специфический тип правовой ментальности. Развившаяся на

этой основе правовая культура не может не характеризоваться дефицитом правосознания и сопутствующей ему гипертрофией эмотивно-морального оценивания своих и чужих поступков¹.

Еще одной из наиболее типичных, многократно исследованных и описанных в научной, философской литературе характеристик российского правового менталитета является устойчивое представление об оправданности подчиненного положения личности, какой бы она ни была, по отношению к государству. Государство в массовом сознании и национальной идеологии занимает высшее место в ценностной иерархии. Личности традиционно отводится подчиненное положение, ей приписывается обязанность служить Государству, безоговорочно ставя его интересы выше своих и не задумываясь о возможном ущемлении им прав каждого конкретного человека. Как подчеркивает В.Л. Дорошенко², сегодняшние разговоры о "правовом государстве" содержат противоречие в определении. Русское понятие "государство" восходит к словам "господарь", "господь", то есть сильный, могущественный гость, чужак. Эмоциональный пафос служения государству, царю, вождю достаточно долго на протяжении истории вытеснял из массового сознания идею прав человека, в чем, безусловно, сказывалось влияние эмоциональных социокультурных доминант. Этикоцентрический тип отношения к государству проявляется, в первую очередь, в характерной интерпретации государства как «сверхгосударства», в мифологизации и романтизации тех или иных конкретноисторических форм государственности. Здесь, прежде всего, речь идет о российской монархии как носителе и защитнике православия. Та же Переходный период для России означает трансформацию и производственных отношений, и социальных институтов, и мировоззрения населения. Подобные исторические изменения не происходят одномоментно. Они требуют длительного этапа реформ, порой эволюционного характера, его субъекты и органы) не способна на самоограничение в пользу гражданина, пока она не устанавливает предел монополии собственного неограниченного деспотизма, легитимная и институционализированная по своей социальной сути система современных правоотношений не возникает. В этом состоит важнейший методологический принцип, на основе которого можно анализировать про-

---

¹ Смоленский М.Б., Дунаева Н.Н. Правовая культура и личность в контексте российской государственности. Ростов-на-Дону, 2002. С. 86.

² Дорошенко В.Л. Что такое право? // ЭКО. - Новосибирск, 2002. - № 3. С. 137.

цессы, происходящие в правосознании и правовой культуре переходного российского общества¹.

Более инструментальным, хотя и не менее фундаментальным, следствием дефицита правосознания в России является правовой вакуум, развивающийся в ситуации быстротекущих общественных преобразований. Он имеет отчасти объективную природу, поскольку необходимо создать юридические формы регламентации общественных отношений, многие из которых еще не институционализированы, и находятся в неставшем состоянии. С другой стороны, препятствия развитию законодательства, связанные в действии субъективных факторов, даже более весомы: в стране и в государстве отсутствует правовая идеология, нет четкой концепции или даже просто конструктивной генеральной идеи последовательного правового строительства, действия разных субъектов, имеющих законодательную инициативу, и правоприменителей, противоречивы и непоследовательны, зачастую носят сиюминутно-реактивный характер. "Этот временной разрыв между правом необходимым и правом наличным, когда общество стремительно усложняется и развивается, а право остается на месте, и является основной причиной возникновения правового вакуума"². На фоне дефицита правовой культуры развивается правовой дефицит, и оба негативных социальных явления все время усугубляют друг друга.

Таким образом, проанализировав базовые основания российской правовой культуры, можно сделать вывод, что процесс формирования российской правовой культуры развивался в рамках оппозиции права и морали, причем побеждала, в отличие от западноевропейских традиций, мораль. В представлениях наиболее блестящих русских мыслителей этот факт отразился в полной мере.

Именно возрастание роли личности в правовой жизни, потребность в становлении цивилизации требуют рассмотрения функционально-содержательного аспекта права как специализированной сферы культуры: «С этих позиций, — подчеркивает В.П. Сальников, — правовая культура общества предстает как разновидность общественной культуры, отражающей определенный уровень правосознания, законности, совершенства законодательства и юридической практики и охватывающей все ценности, которые созданы людьми в области права»³. Таким образом, правовая культура пронизывает само право, правосознание, правовые отношения; законность и правопорядок, законотворческую и правоприменительную деятельность, а также иные виды правовой деятельности.

---

¹ Федотова Ю.А. Модель культурной социализации активной личности: факторы формирования и вектор трансформации. Диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук по научной специальности 22.00.06. На правах рукописи. Ростов-на-Дону, 2004.

² Малиновский АЛ. Правовой вакуум - новый термин юридической науки // Государство и право. 1997. №2. С. 109.

³ Казимирчук В.П. Юридическая социология. М., 2000. С. 89.

Обращает наше внимание на еще одну грань рассматриваемой нами проблемы. Речь идет о такой неотъемлемой составляющей российского правового менталитета и правовой культуры, как взаимоотношения личности и власти, личности и государства.